В жарком небе Афганистана / подгот. Н. Максименко, И. Гореликова // Голас Расоншчыны. — 2014. — 15 лют. — С. 5.

В ЖАРКОМ НЕБЕ АФГАНИСТАНА

Траектория взлёта для Сергея Курбана (на снимке) началась до Афганистана. Свою жизнь молодой человек решил связать с военным делом – стать лётчиком. Поступил в Саратовское вертолётное училище и после окончания учебного заведения служил во Львове. В течение года молодой лейтенант оттачивал профессиональные навыки во время учебных полётов, и скоро они понадобились Сергею уже в боевых действиях. Весной 1985 года в полку готовились к итоговой проверке – шёл строевой смотр. Командир полка зачитал фамилии и сказал: «Я попрошу вас зайти ко мне в кабинет».

– Мы сразу поняли с какой целью нас вызывают, – рассказывает Сергей. – На тот момент многие из наших уже побывали в Афганистане. Так как было принято решение укрупнять эскадрильи, и отправлять туда полуторный состав, то два звена из нашего полка должны были отправиться «за реку». «Вы можете и отказаться», – говорили нам. Однако даже мысли такой не возникало: рассказы тех, кто вернулся, лишь подогревали наш интерес к той войне. Да и в молодости другое ощущение жизни, когда об опасностях мало думаешь. Кроме того, было важно, как к тебе потом станут относиться: ведь военная профессия изначально предполагает участие в боевых действиях.

На сборы времени было мало. Я позвонил родителям, и, не объясняя, что и как, сказал, чтобы приехали и забрали Наташу. (На тот момент Сергей уже был женат, и они ждали в семье пополнения).

На борту самолёта АН-12 прилетели в Ташкент. Там две недели проходили «горную» подготовку. Командование решило, что «мы и так всё умеем!». Контрольные полёты – и 1 мая мы были в Кабуле. Думали, что служить будем все вместе. В реальности одно звено должно было отправиться в Кандагар, а второе – в Газни. Кто куда – решали сами. Я выбрал Кандагар.

Когда прилетели туда в аэропорт и вышли, стояла такая жара, что невольно возникли мысли: «Куда же я попал?!» Акклиматизировался быстро, и уже через две недели жара воспринималась нормально. Я попал в эскадрилью из Забайкалья. Ребята служили уже пол года, и

командир решил «по полной» загрузить новичков. Были дни, когда летать приходилось по 10 часов в день. Если в Союзе норма была 4,5 часа, то здесь о каких-либо ограничениях думать не приходилось. Как с утра встал, так только к ночи и возвращался на базу.

Сначала, конечно, был какой-то страх. Пугала неизвестность и неопределенность: приходилось делать полёты в горной местности. К тому же, в то время уже запретили летать на предельно малой высоте. Это было возможно до тех пор, пока у душманов не появились «Стингеры» (переносной зенитно-ракетный комплекс). Вооружившись, они стали часто сбивать наши вертолеты, и поэтому приходилось подниматься на максимальную высоту. Это, безусловно, усложняло выполнение боевых задач.

Вскоре о страхе думать стало некогда. Жизнь там начинает идти уже в привычном ритме: пришёл – упал, поспал, встал – и снова в небо. Мы летали на засады с десантниками, сопровождали Ми-6, и фотографировали, как наши истребители уничтожают противника. Также доставляли в указанные точки продукты или боеприпасы. Многие вылеты заранее не планировались, и о выходе на задание узнавали непосредственно перед вылетом.

Конечно, приходилось терять боевых друзей, – вспоминает Сергей. Так, во время выполнения одного задания сбили истребитель, который мы сопровождали. Четверка Миг-23 должна была нанести удар по координатам, а мы сфотографировать. Наши вертолеты взлетели раньше и «висели» в ожидании. Вдруг видим по склону – как атомный взрыв. Командир звена вышел на связь с одним экипажем, вторым, третьим, а четвёртый – молчит... Нас отправили посмотреть, что случилось. Оказалось: ребята попали под обстрел. Борттехник погиб, а командир и первый пилот успели выпрыгнуть – повезло. За – ними были отправлены вертолеты. Подняли эскадрилью, высадили десант, и направились в тот район. Ребят нашли, как говорят, целых и невредимых. Один из них потом рассказывал: «По радиоэфиру передают, что нас подбили. Командир приказал борттехнику, чтобы посмотрел, насколько сильные повреждения. Тот открыл дверку кабины, а из грузового отсека повалил чёрный дым – видимость исчезла и механик тоже. Правый кричит: «Прыгай!» Я смотрю вниз: куда прыгать? Так получилось, что скатился по борту, вдруг взрыв – и я уже на земле. Даже не верю, что такое может быть!»

Никогда мы своих не бросали. Был случай, что одному вертолётчику пришлось ночевать в сбитой машине. Командира и пилота обнаружили быстро, а борттехника, который выпрыгнул сразу после попадания в вертолёт снаряда, считали уже погибшим. Но на следующий день нашли и его. Он ночевал в вертолёте и слышал, как рядом ходили духи...

Однажды пришлось спасать и свой вертолёт. Летали с десантниками на засады в пустыню. Начался обстрел: пули попали в топливозаправщик, ещё мгновение – взлетели бы на воздух. Даже не помню, как вместе с командиром заскочили в кабину вертолёта и отогнали его в сторону. Механик потом долго удивлялся, мол, как это нам удалось, если даже топливные насосы вроде бы не включили.

Доводилось мне полетать и с полковником Александром Руцким. Простой такой дядька. Обучал в Кандагаре молодых лётчиков. Мы должны были загрузить десант и лететь за истребителями. Машины поднялись в небо раньше наших, мы следом – парами восьмых. Десантников высадили в указанной точке на горе. Слушаем радиоэфир – вроде бы тихо. Вскоре Ми-24 вышли на связь с сообщением: «Отказывает гидросистема». Нужно было возвращаться. Только десантников «зажарили» духи. Пришлось долго ждать. Думали, не выбиремся. С Руцким

встретились уже на аэродроме, до которого, кстати, они не дотянули и сели где-то рядом. Генерал так спокойно сказал: «Всё хорошо, правда, топлива не хватило». И казалось, что это вполне обыденное явление. Летчиком, конечно, он был классным.

А вообще люди в Афганистане встречались разные. Был у нас командир, который, наверно, очень хотел получить звание Героя Советского Союза. Была высадка. Обычно нас высылали вперед, мы в указанной точке оставляли пары десантников для разведки. А уже потом подходила эскадрилья и шли основные силы. В радиоэфире предупреждают: «Работает ДШК, лететь пока нельзя». А этот командир самоуверенно заявляет: «Я всё вижу, и в ракурс не попадаю, поэтому на посадку зайду». Только сказал, и очередь отбивает ручку управления. То что они сели, конечно, – повезло. Десантники знали своё дело, и, оценив обстановку, залегли и не выставлялись под пули. А «герой» с пистолетом в руках кричит бойцам: «Трусы! Поднимайтесь! Вперёд!» Кто-то успел толкнуть его на землю, и тем самым спас жизнь. Иначе бы убили моментально.

Но одно воспоминание о службе в Афганистане для Сергея связано с всплеском эмоций радости. Однажды на построении офицеру Курбану сообщили, что у него родился сын. И ничего уже не могло омрачить счастье молодого папы…

Материалы подготовили
Наталья Максименко,
Ирина Гореликова